

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Левашов Владимир Константинович

ЕДИНОЛИЧНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ОРГАН В КОРПОРАТИВНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ЛИЦЕ

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель

Сиземова Ольга Борисовна,
доктор юридических наук, доцент

Москва – 2026

Диссертация представлена к публичному рассмотрению и защите в порядке, установленном ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» в соответствии с предоставленным правом самостоятельно присуждать ученые степени кандидата наук, ученые степени доктора наук согласно положениям пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».

Публичное рассмотрение и защита диссертации состоится 26 ноября 2026 г. в 10:00 часов на заседании диссертационного совета Финансового университета Д 505.001.112 по адресу: Москва, Ленинградский проспект, д. 51, корп. 1, аудитория 1001.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном зале Библиотечно-информационного комплекса ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» по адресу: 125167, Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2, комн. 100 и на официальном сайте Финансового университета в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу: www.fa.ru.

Персональный состав диссертационного совета:

председатель – Ручкина Г.Ф., д.юрид.н., профессор;
заместитель председателя – Илюшина М.Н., д.юрид.н., профессор;
ученый секретарь – Галушко Д.В., д.юрид.н., доцент;

члены диссертационного совета:

Алексеева Д.Г., д.юрид.н., профессор;
Андреева Л.В., д.юрид.н., профессор;
Арзуманова Л.Л., д.юрид.н., профессор;
Бит-Шабо И.В., д.юрид.н., доцент;
Лапина М.А., д.юрид.н., профессор;
Павликов С.Г., д.юрид.н., профессор;
Павлов В.П., д.юрид.н., профессор;
Петюкова О.Н., д.юрид.н., доцент;
Рузакова О.А., д.юрид.н., профессор;
Сизимова О.Б., д.юрид.н., доцент;
Синельникова В.Н., д.юрид.н., профессор;
Тарасенко О.А., д.юрид.н., доцент;
Тория Р.А., д.юрид.н., доцент;
Хаванова И.А., д.юрид.н.;
Чердаков О.И., д.юрид.н., профессор.

Автореферат диссертации разослан 30 сентября 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
Финансового университета Д 505.001.112

Д.В. Галушко

I Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. В Конституции Российской Федерации закреплено, что российское государство стремится к созданию условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан (ст. 75.1). Реализация этого стремления требует четкого и предсказуемого регулирования отношений, связанных с участием юридических лиц в гражданском обороте.

Неспособные по природе к физическим действиям в реальном мире юридические лица выступают в правоотношениях через свои органы. Статистические данные свидетельствуют, что в последние годы наблюдается рост числа дел, связанных с назначением (избранием), прекращением, приостановлением полномочий и ответственностью лиц, входящих в состав органов управления юридического лица: в первом полугодии 2025 года их общее число составило 272 дела против 243 в первом полугодии 2024 года и 161 в первом полугодии 2023 года, при том что за весь 2024 год поступило 652 дела против 403 в 2023 году и 286 в 2022 году.

Единоличный исполнительный орган – ключевое звено, от деятельности которого зависит эффективность управления юридическим лицом, защита прав кредиторов и участников, а потому, в конечном счете, и стабильность гражданского оборота в целом. В России наибольшую долю среди всех юридических лиц (99,6% среди коммерческих организаций и 47,8% среди некоммерческих (не считая некоммерческих организаций, регистрируемых в специальном порядке)) занимают корпорации, поэтому наиболее ярко любые проблемы, связанные с правовым статусом единоличного исполнительного органа, проявляются именно в них.

Одной из таковых проблем является продолжающаяся дискуссия о природе единоличного исполнительного органа. Отсутствие четкого ответа на вопрос, является единоличный исполнительный орган частью юридического лица или представителем последнего, а если представителем, то признание его представительства законным или добровольным порождает методологическую путаницу. Доктринальные разногласия по этому вопросу отражаются и на правоприменительной деятельности, в которой все устойчивее укрепляется проблемная практика предъявления прямых исков к руководителям юридических лиц со стороны кредиторов.

В то же время механизмы защиты добросовестных контрагентов юридического лица в случае вступления последних в отношения с «проблемными» руководителями не

выработаны. Нередки случаи, когда суды, ссылаясь на наличие пороков в решении о назначении единоличного исполнительного органа на должность, удовлетворяют требования об истребовании имущества у таких лиц.

Остается нерешенным и вопрос об определении момента, с которого полномочия единоличного исполнительного органа следует признать возникшими. Высказанная несколько десятилетий назад позиция, что за таковой не следует принимать момент внесения сведений в ЕГРЮЛ, понимается в доктрине преимущественно односторонне, то есть как указание на возникновение полномочий исключительно с момента принятия решения компетентным органом управления. Порождаемые вследствие такой позиции трудности в правоприменительной деятельности, связанные, в частности, с тем, что полномочия ранее назначенного единоличного исполнительного органа истекли, а назначения нового так и не произошло, в должной мере так и не были осмыслены юридической наукой.

Не являлась предметом самостоятельного научного исследования до настоящего времени и проблема разрешения так называемых корпоративных тупиков, когда участники не могут достичь необходимого единства по вопросу о кандидатуре нового единоличного исполнительного органа, а равно когда кто-либо из участников блокирует назначение единоличного исполнительного органа, парализуя деятельность организации. Имеющиеся в законодательстве механизмы преодоления такой ситуации могут привести лишь к полной или частичной ликвидации юридического лица, без возможности его сохранения как целостной экономической единицы.

Не проведена систематизация последствий деятельности единоличного исполнительного органа, что препятствует не только теоретическому изучению проблемы, но и приводит к хаотическому набору возможных исков, которые суды считают возможным принять в случае нарушения прав участников корпоративного юридического лица.

Наконец, неопределенность правовой природы ответственности единоличного исполнительного органа перед кредиторами юридического лица приводит к разнородности судебной практики. Между тем, сохраняющаяся на протяжении длительного времени значительная доля случаев административного прекращения деятельности юридических лиц (в процентном соотношении к 1 февраля 2020 года доля таковых составила 85%, к той же дате 2021 года – 85,4%, 2022 года – 81,1%, 2023 года –

77,2%, 2024 года – 76,4%, 2025 года – 77,7%) с неизбежностью означает необходимость четкого понимания такой природы.

Решение обозначенных проблем будет иметь не только прикладное, но и фундаментальное значение, соответствующее важным научным задачам юридической науки, к которым согласно Программе фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021-2030 годы) относятся создание комфортной правовой среды для глобального технологического лидерства и дальнейшее развитие предпринимательского права с опорой на идеи корпоративного права. Следовательно, преодоление выявленных в работе доктринальных противоречий и правоприменительных пробелов отвечает не только на запросы текущей практики, но и на долгосрочные цели модернизации российской правовой системы.

Таким образом, наличие целого комплекса нерешенных теоретических проблем, вкуче с противоречивой, а то и прямо негативно складывающейся в таких условиях судебной и иной правоприменительной практикой, свидетельствует об актуальности выбранной темы исследования.

Степень разработанности темы исследования. На диссертационном уровне общие проблемы правового положения единоличного исполнительного органа в юридическом лице в составе более общей проблемы правового положения органов юридических лиц и соответственно проблемы внутрикорпоративного управления были на современном этапе впервые рассмотрены в докторской диссертации С.Д. Могилевского «Органы управления хозяйственными обществами: правовой аспект» (Москва, 2001 г.), в которой подробно был разработан статус органов (в том числе единоличного исполнительного) с точки зрения их внутрикорпоративного положения как частей юридического лица-организации. В дальнейшем исследованию правового статуса органов юридического лица в целом были посвящены исследования Г.Л. Рубеко «Правовой статус органов управления акционерных обществ» (г. Ростов-на-Дону, 2004 г.), М.Д. Тихомирова «Правовое положение органов управления акционерного общества» (Санкт-Петербург, 2005 г.), Д.А. Сумского «Концепция органа юридического лица в теории гражданского права» (Москва, 2007 г.) и некоторых других. В сравнительно-правовом аспекте проблеме корпоративного управления была посвящена работа Яна Тяньфана «Правовое регулирование корпоративного управления в РФ и КНР: сравнительное исследование» (Москва, 2022 г.).

Исследованию отдельных аспектов правового положения единоличного исполнительного органа были посвящены кандидатские исследования А.А. Серебряковой «Правовой статус исполнительных органов хозяйственных обществ» (г. Казань, 2005 г.), А.В. Богданова «Гражданско-правовой статус управляющей организации как единоличного исполнительного органа акционерного общества» (Москва, 2012 г.), И.А. Косякина «Правовое положение единоличного исполнительного органа акционерного общества» (Москва, 2022 г.). Отдельного упоминания в этом ряду заслуживает работа Е.В. Тычинской «Договор о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества» (Москва, 2010 г.), поскольку в ней обоснованно было обращено внимание на то, что единоличный исполнительный орган должен рассматриваться не просто как составная часть юридического лица-организации, но и как то, через что юридическое лицо (как субъект права) вступает во внешние по отношению к компании правоотношения.

Значительное внимание исследователей привлекла относящаяся к вопросу о статусе единоличного исполнительного органа проблема корпоративной ответственности. Этой проблеме были посвящены диссертационные исследования В.И. Хныкина «Гражданско-правовая ответственность органов управления акционерных обществ по законодательству Российской Федерации» (Москва, 2005 г.), И.А. Смирновой «Ответственность органов управления хозяйственных обществ. Предпринимательско-правовые аспекты» (Москва, 2013 г.), Е.Н. Назаровой «Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ» (г. Екатеринбург, 2015 г.). В сравнительно-правовом аспекте эта проблема была рассмотрена в работах И.Л. Иванова «Гражданско-правовая ответственность лиц, участвующих в управлении акционерным обществом, в праве России и Германии» (Москва, 1999 г.), М.А. Карташова «Ответственность единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью по законодательству России и Германии» (Санкт-Петербург, 2015 г.), И.А. Турбиной «Гражданско-правовая ответственность исполнительных органов хозяйственных обществ в РФ, ЕС и США» (г. Волгоград, 2016 г.), С.А. Шикина «Основания гражданско-правовой ответственности единоличного исполнительного органа хозяйственного общества в России и государствах англо-американского права» (Москва, 2019 г.), Сунь Ци «Ответственность участников корпоративных отношений: сравнительный анализ по праву Китая и России» (Москва, 2021 г.), Е.М. Ключаревой «Обязанности и ответственность членов

органов управления юридических лиц в праве России, Германии, Великобритании и штата Делавэр (США)» (Москва, 2023 г.). Отдельного упоминания заслуживает докторская работа О.В. Гутникова «Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами» (Москва, 2018 г.), которая представляет собой в настоящее время наиболее полное и фундаментальное исследование проблемы корпоративной ответственности из всех существующих.

Тесно связанной с вопросом ответственности является проблема злоупотребления правом в корпоративных отношениях. Рассмотрению этой проблемы были посвящены работы Д.М. Токарева «Злоупотребление правом в хозяйственных обществах: условия возникновения и способы защиты» (г. Волгоград, 2010 г.), А.А. Кузнецова «Злоупотребление правом в правоотношениях между акционером и акционерным обществом» (г. Волгоград, 2012 г.), К.А. Михалева «Защита прав кредиторов хозяйственного общества от использования конструкции общества в противоречии с ее назначением» (г. Екатеринбург, 2015 г.), Е.М. Лянгузовой «Злоупотребление корпоративными правами хозяйственным обществом и его участниками» (Москва, 2024 г.). Отдельного упоминания может быть удостоено исследование О.И. Гентовт «Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ» (Москва, 2021 г.), специально посвященное одному из наиболее спорных способов защиты от злоупотребления правом.

Цель исследования состоит в разрешении научной проблемы по разработке и обоснованию теоретических положений, направленных на развитие представлений о единоличном исполнительном органе в корпоративном юридическом лице, и формулированию рекомендаций по совершенствованию правового регулирования отношений, участником которых он является, а также правоприменительной практики.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие **задачи** исследования:

- 1) выявить содержание понятия «единоличный исполнительный орган юридического лица» и установить правовую природу его деятельности;
- 2) установить критерии, по которым действия тех или иных субъектов могут быть вменены юридическому лицу в качестве действий его единоличного исполнительного органа;

3) установить основания возникновения и прекращения полномочий единоличного исполнительного органа, определив момент, в который таковые полномочия должно считать возникшими или прекратившимися;

4) определить границы юридической подвластности вышестоящим органам юридического лица последствий деятельности единоличного исполнительного органа;

5) установить последствия наступления невозможности завершить формирование единоличного исполнительного органа корпоративного юридического лица;

6) определить границы применения особого «внебанкротного» порядка привлечения единоличного исполнительного органа к прямой имущественной ответственности перед контрагентами юридического лица;

7) установить правовую природу ответственности единоличного исполнительного органа перед контрагентами юридического лица.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с деятельностью единоличного исполнительного органа в корпоративном юридическом лице.

Предметом исследования являются нормы действующего гражданского, в том числе корпоративного, законодательства, регламентирующие деятельность единоличного исполнительного органа в корпоративном юридическом лице, складывающаяся в отношении этих норм судебная практика, а также научные труды и материалы правоприменительной практики.

Область исследования диссертации соответствует п. 6. «Теория субъектов. Особенности правового положения субъектов в отдельных сферах экономики и социально-культурной деятельности. Отношения, связанные с участием в корпоративных организациях; отношения по управлению юридическим лицом. Отношения экономической зависимости. Несостоятельность (банкротство). Субъекты процессуальных отношений» Паспорта научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки).

Методология и методы исследования. Поставленные задачи предопределили использованные в ходе выполнения исследования методы. Так, для разрешения вопроса о понятии и действительной правовой природе единоличного исполнительного органа и вопроса о природе его ответственности перед контрагентами юридического лица использован индуктивный метод научного познания, поскольку только он позволял из

разрозненных предписаний закона выделить существо складывающихся отношений, а также историко-правовой метод как основа для точного определения понятий в их постоянном развитии.

Для разрешения вопроса об основаниях вменения действий субъектов, выступающих от имени юридического лица, самому юридическому лицу использовано сочетание системно-структурного и сравнительно-правового методов познания, поскольку именно такое соединение было необходимо для проработки этого одновременно сложного и малоисследованного вопроса.

При разрешении вопроса о возникновении и прекращении полномочий единоличного исполнительного органа преимущественно использован юридико-догматический метод, для которого характерно сочетание анализа и синтеза в познании юридических институтов, что позволило четко обособить соответствующие основания и время их наступления, не допустив смешения со смежными явлениями.

При разрешении вопроса о границах юридической подвластности наибольшее применение получили методы телеологического толкования и синтеза, дающие возможность исключить субъективный фактор при определении границ применения тех или иных институтов.

Ввиду отсутствия в отечественном праве инструментов для разрешения вопроса о последствиях невозможности формирования единоличного исполнительного органа в корпоративном юридическом лице широкое применение нашел сравнительно-правовой метод, а порождающие множество противоположных мнений вопросы ответственности единоличного исполнительного органа предопределили выбор в пользу преимущественного использования формально-логического метода.

Наряду с изложенными, в работе использованы иные общенаучные методы (дедукция, метод диалектического познания), а при анализе текстов нормативных актов и разъяснений (решений) судебных инстанций использовались также методы грамматического, логического, систематического и исторического толкования. При формулировании предложений по совершенствованию действующего законодательства преимущество было отдано методу экономического анализа права, для которого свойственно противопоставление выгод/издержек, что позволяло наглядно объяснить преимущество выдвигаемых предложений.

Теоретическую основу исследования наряду с упомянутыми ранее работами составили труды отечественных дореволюционных, советских и современных

ученых-правоведов, а также работы их зарубежных коллег, которые были посвящены вопросам, затрагиваемым в настоящем исследовании. Так, в ходе исследования были использованы, в частности, сохраняющие актуальность труды таких отечественных дореволюционных исследователей как А.О. Гордон, А. Евецкий, П. Писемский. Из советских исследователей наряду с затрагивавшими в той или иной степени различные аспекты темы настоящего исследования работами А.Г. Гойхбарга, О.С. Иоффе, П.И. Стучки, Е.А. Флейшиц, были использованы и специально посвященные теме настоящей работы труды Б.Б. Черепашина, И.В. Шерешевского. Из значительного круга использованных трудов современных исследований можно упомянуть работы В.К. Андреева, Д.И. Дедова, К.И. Забоева, О.Р. Зайцева, М.Н. Илюшиной, В.З. Мамагеишвили, Ю.Э. Монастырского, А.Л. Назыкова, Е.Л. Невзгодиной, Е.А. Папченковой, Д.И. Степанова, Е.А. Суханова, Г.В. Цепова, И.С. Чупрунова, И.С. Шиткиной.

Нормативную основу исследования составили прежде всего нормативно-правовые акты Российского государства, действующие в настоящее время (в том числе: Конституция 1993 года, Гражданский кодекс 1994 года, Федеральный закон «Об акционерных обществах» 1995 года, Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» 1998 года), а также действовавшие в прошлые исторические периоды (в том числе: Свод законов гражданских Российской Империи, Гражданские кодексы 1922 и 1964 годов). Исследованию подверглись также нормативные акты зарубежных стран (Австралии, Германии, Индии, США, Франции, Чехии).

Эмпирическая база работы состоит из материалов судебной правоприменительной практики, касающихся исследуемой области, в том числе актов Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, сохраняющих значение актов Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, разъяснений Пленумов обозначенных высших судебных инстанций, практики нижестоящих судебных органов. Также эмпирическую базу исследования составили материалы правоприменительной практики Правительствующего Сената Российской империи и зарубежных высших судебных инстанций.

Научная новизна исследования заключается в том, что разработана и обоснована концепция правового положения единоличного исполнительного органа в

корпоративном юридическом лице как части корпорации, выполняющей функции представителя и занимающей при этом промежуточное положение между законными и добровольными представителями.

Доказано, что открытый (гласный) характер представительства единоличного исполнительного органа требует повышения доверия к размещаемым в публичных реестрах сведениям о текущем руководителе организации посредством ограничения числа случаев, когда по отношению к нему могут применяться правила о полномочиях из обстановки.

Выявлено и обосновано, что характер представительства единоличного исполнительного органа не позволяет свести проблемы возникновения (прекращения) его полномочий к проблеме внесения (исключения) сведений из ЕГРЮЛ, что соответствующие проблемы требуют разрешения с учетом лежащих в основе такого представительства договорных отношений.

Выявлена неспособность текущего правового регулирования разрешить проблему сохранения управляемости юридического лица в условиях устойчивого отсутствия в конкретный момент времени единоличного исполнительного органа в юридическом лице, в связи с чем аргументирована необходимость заполнения выявленного пробела в правовом регулировании.

Опровергнута теория, что преступные действия единоличного исполнительного органа не могут относиться к его трудовым (служебным) обязанностям: в таких случаях необходимо применять общие правила об ответственности юридических лиц за действия своих органов, а не о прямых исках к руководителям организаций.

Научная новизна конкретизируется в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

1) Установлено, что единоличный исполнительный орган, являясь частью юридического лица, выступает в отношениях с третьими лицами в качестве, функционально сходном с представительством: переносит на юридическое лицо все последствия совершаемых им действий (бездействия) и может быть признан самостоятельным субъектом ответственности. При этом, правовое положение единоличного исполнительного органа не может быть сведено к законному или добровольному представительству, так как оно органично сочетает в себе функциональные черты обоих видов представительства, вследствие чего следует обозначить двойственную правовую природу его статуса.

2) Поскольку действительность полномочий единоличного исполнительного органа для третьих лиц подтверждается размещенными в ЕГРЮЛ сведениями, обосновано, что применение общих правил о представительстве без полномочий (ст. 183 ГК РФ) возможно только в случае, когда сведения о единоличном исполнительном органе еще не были в установленном порядке опубликованы. Опубликованные сведения могут быть отвергнуты юридическим лицом только при наличии недобросовестности на стороне контрагента юридического лица: когда о недостоверности сведений было или должно было быть известно контрагенту на момент вступления в правоотношения.

3) Доказано, что моментом возникновения полномочий единоличного исполнительного органа может быть только момент заключения между ним и корпоративным юридическим лицом договора, в том числе и через фактический допуск к работе, и в случае, если по истечении срока действия предыдущего договора ни одна из сторон не выразила желания прекратить отношения. При этом факты внесения сведений о заключении договора в ЕГРЮЛ или принятия компетентным органом управления юридического лица решения о наделении полномочиями, несмотря на их легитимизирующее качество для третьих лиц, не могут подменить собой волю лица на принятие комплекса прав и обязанностей (полномочий) единоличного исполнительного органа, так как без такого волеизъявления исполнение функций данного органа невозможно.

4) С целью повышения предсказуемости последствий обжалования различных действий (бездействия) единоличного исполнительного органа разработана авторская классификация действий (бездействия) единоличного исполнительного органа в зависимости от возможности влияния вышестоящих органов на возникновение юридических последствий таких действий (бездействия) для корпоративного юридического лица, которая включает в себя три группы:

Первая группа: действия единоличного исполнительного органа, на последствия которых вышестоящие органы могут повлиять в случае нарушения закона, учредительного документа (издаваемые единоличным исполнительным органом правовые акты и принимаемые им решения).

Вторая группа: действия единоличного исполнительного органа, на последствия которых вышестоящие органы могут повлиять при условии одновременного нарушения

закона и (или) учредительного документа, осведомленности другой стороны о наличии таких нарушений (все виды сделок).

Третья группа: неподконтрольные и находящиеся вне юридической власти вышестоящего органа действия (бездействие) единоличного исполнительного органа (различные юридические поступки, в том числе деликты и акты голосования). В рамках последней группы выделяется особая подгруппа действий (бездействия), на последствия которых вышестоящие органы не могут повлиять, но имеют возможность обжалования производных от этих действий (бездействия) фактов (решения собраний в случае их ничтожности, а равно в случае известного другим участникам собрания выхода единоличного исполнительного органа за пределы предоставленных полномочий).

5) Выдвинут и обоснован способ выхода из ситуации невозможности формирования единоличного исполнительного органа в корпоративном юридическом лице ввиду блокирующего поведения участника коллегиального органа путем использования института временного приостановления корпоративных прав лица, чьи действия (бездействие) послужили причиной наступления невозможности сформировать исполнительные органы, что позволит корпоративному юридическому лицу сохранить управляемость и продолжить уставную деятельность.

6) Предложено решение проблемы невозможности прийти к единому мнению по кандидатуре на должность единоличного исполнительного органа корпоративного юридического лица (непреодолимая конкуренция претендентов) путем установления на уровне закона рекомендуемых квалификационных требований к предлагаемым участниками лицам и утверждения судом претендента с наилучшей деловой репутацией, определяемой в соответствии с указанными требованиями.

7) Доказано, что правонарушения при исполнении полномочий единоличного исполнительного органа (в том числе и когда его деяния квалифицируются как преступление) не могут рассматриваться в качестве фактора, дающего право на предъявление прямых «внебанкротных» исков к единоличному исполнительному органу, исключая ответственность юридических лиц за действия (бездействие) их руководителей.

8) Установлено, что прямая ответственность единоличного исполнительного органа перед кредиторами юридического лица наступает за действия (бездействие), находящиеся в косвенной причинно-следственной связи с возникновением убытков у кредиторов, в силу чего такая ответственность имеет сходство с ответственностью

родителей за вред, причиненный их несовершеннолетним ребенком, и должна быть также по своей правовой природе определена в качестве деликтной и не может квалифицироваться ни как договорная, ни как особая (корпоративная) ответственность.

Теоретическая значимость работы заключается в приращении гражданско-правового научного знания в части понимания специфики деятельности единоличного исполнительного органа, которое благодаря выработанным в настоящем исследовании положениям позволит вновь взглянуть на сложности его деятельности как на разновидность единой комплексной проблемы, вытекающей из особого статуса единоличного исполнительного органа в качестве функционального представителя, что поспособствует дальнейшим исследованиям.

Практическая значимость работы состоит в возможности использовать сделанные в исследовании выводы при совершенствовании текущего законодательного регламентирования в Российской Федерации отношений по представительству юридических лиц их единоличными исполнительными органами, а также в возможности использовать сделанные выводы при подготовке (совершенствовании) разъяснений действующего законодательства и при разрешении конкретных дел судебными органами. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в дальнейшей научно-исследовательской работе и преподавательской деятельности.

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования. Достоверность результатов исследования подтверждается произведенным анализом отечественных и зарубежных нормативно-правовых актов, судебной практики и доктринальных источников, постановкой цели и задач исследования, а также избранной методологией.

Основные результаты исследования, а также сделанные в ходе исследования выводы отражены в докладах и выступлениях на научных мероприятиях (конференциях, круглых столах, форумах), в том числе: на XXVI международном междисциплинарном научно-практическом форуме «Юртехнетика» (г. Нижний Новгород, Нижегородская академия МВД России, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Саратовская государственная юридическая академия, 25-28 сентября 2024 г.); на Всероссийском круглом столе «Проблемные аспекты цивилистической герменевтики в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве» (Санкт-Петербург, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, 25 октября 2024 г.); на Пятой Всероссийской научной конференции курсантов, студентов, адъюнктов, аспирантов и

соискателей «Актуальные вопросы юридической науки глазами молодых исследователей» (г. Рязань, Академия ФСИН России, 6 февраля 2025 г.); на IV Международной научно-практической конференции «Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях» (г. Симферополь, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, 1-4 апреля 2025 г.); на XVII итоговой студенческой научной конференции Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, РПА Минюста России, 2 апреля 2025 г.); на Международной научно-практической конференции «VI Нижегородские юридические чтения» (г. Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 23 мая 2025 г.).

Результаты исследования внедрены в практическую деятельность Арбитражного суда Республики Коми и используются в сфере осуществления судебной (правоприменительной) деятельности непосредственно должностными лицами, которым они адресованы.

Ряд положений исследования использован при проведении семинарских занятий по курсам «Гражданское право», «Предпринимательское право» на кафедре гражданского права и процесса юридического факультета в ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены соответствующими документами.

Публикации. Основные положения и результаты исследования отражены в 11 научных работах общим объемом 7,19 п.л. (весь объем авторский), в том числе 5 работ авторским объемом 4,85 п.л., опубликованы в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России.

Структура и объем диссертации обусловлены ее целью и задачами, объектом и предметом исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка литературы из 227 наименований. Текст диссертации изложен на 200 страницах.

II Основное содержание работы

Первая глава «Общая характеристика отношений с участием единоличного исполнительного органа» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе «Понятие и правовая природа отношений между корпоративным юридическим лицом и единоличным исполнительным органом» исследуются основные сложившиеся теоретические подходы к определению правовой сущности единоличного исполнительного органа. Установлено, что если в соответствии с классической теорией органа юридического лица единоличный исполнительный орган должен рассматриваться только как структурная единица организации, действия которой должны полностью отождествляться с действиями самого юридического лица, то в соответствии с теорией органа-представителя единоличный исполнительный орган должен рассматриваться не как структурный элемент, но как самостоятельный субъект, представитель организации, восполняющий отсутствие дееспособности у последней.

Для определения того, какая именно теория наиболее полным образом соответствует текущему правовому положению единоличного исполнительного органа в современном российском праве, проведен анализ правил об ответственности юридического лица за действия его единоличного исполнительного органа. Выяснено, что хотя концепция классической теории органа юридического лица проводилась в отечественном праве начиная с 1920-х годов, появление правил о субсидиарной ответственности директоров ликвидированных организаций, а также об ответственности директоров по обязательствам юридического лица, имущества которого недостаточно для финансирования процедуры банкротства, сделало данную концепцию более не отражающей правовую действительность в полной мере, поскольку руководители юридических лиц стали нести субсидиарную ответственность по искам третьих лиц. Иной вывод можно было сделать, если бы таковая ответственность могла быть объяснена уступкой права требования кредиторам или «корпоративным поручительством», но ни для одной из этих теорий нет оснований законодательстве, в том числе потому, что эта ответственность наступает за самостоятельную вину.

В то же время, поскольку положение единоличного исполнительного органа не в полной мере соответствует и теории органа-представителя (из-за субсидиарного характера ответственности и сохранения его внутренней связи с юридическим лицом), аргументировано двойственное положение единоличного исполнительного органа: как

структурной единицы (части) организации и как ее функционального представителя, сочетающего в себе черты как законных (определение объема полномочий непосредственно в законе (уставе юридического лица), невозможность ссылаться на указания назначивших лиц), так и добровольных (возможность возложения полномочий по своей воле, необходимость принятия решения об избрании для возникновения полномочий) представителей, но в то же время не сводимого ни к одному из этих видов.

Во втором параграфе «Мнимый и действительный единоличный исполнительный орган: отграничение в отношениях с третьими лицами» исследуется сложившийся в отечественном правопорядке подход к определению последствий выступления в гражданском обороте мнимого директора юридического лица. Критически оценивается идея применимости к такой ситуации правил, закрепленных в ст. 183 ГК РФ. Указывается на противоречивость подхода высших судов Российской Федерации, которые для целей решения проблемы появления мнимого представителя отказываются признавать решения, принятые недостаточным большинством, существующими и имеющими какое-либо юридическое значение, но в это же время для целей разрешения проблемы невозможности принятия какого-либо решения признают действительность таких актов. Отмечается также игнорирование правоприменителем и исследователями в рассматриваемом контексте правил о полномочиях из обстановки, что лишает контрагентов юридических лиц каких-либо шансов убедиться в действительности полномочий единоличного исполнительного органа.

С опорой на зарубежный опыт и с учетом публичного характера представительства единоличного исполнительного органа делается вывод о необходимости применять при решении вопроса о действительности или мнимости полномочий директора специальные правила второго предложения абз. 2 п. 2 ст. 51 ГК РФ, а не общие правила ст. 183 ГК РФ. Наличие серьезных пороков в решении об избрании единоличного исполнительного органа не должно являться безусловным основанием для вывода о «юридической ничтожности» совершаемых им актов, а контрагенты юридического лица не должны нести риск недостоверности сведений, размещенных в ЕГРЮЛ, кроме случаев, когда о недостоверности таковых им было или должно было быть известно, исходя из обстановки, в которой осуществлялось взаимодействие с единоличным исполнительным органом. Заключается, что применение же общих правил о мнимом представителе (ст. 183 ГК РФ) должно

ограничиваться случаями, когда сведения о единоличном исполнительном органе еще не были в установленном порядке опубликованы.

Вторая глава «Осуществление полномочий единоличного исполнительного органа» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Возникновение и прекращение полномочий единоличного исполнительного органа» анализируются три юридических факта (принятие решения о наделении полномочиями, заключение договора, внесение сведений в ЕГРЮЛ), с которыми может быть связано возникновение полномочий единоличного исполнительного органа. Выражается поддержка точке зрения, что в качестве такого момента не может рассматриваться момент внесения сведений в ЕГРЮЛ. В то же время подвергается критике подход, в соответствии с которым возникновение полномочий связывается исключительно с моментом принятия соответствующего решения: демонстрируется, что такая позиция приводит к игнорированию фундаментального права каждого человека на свободное использование своих способностей к труду (ч. 1 ст. 34, ч. ч. 1 и 2 ст. 37 Конституции РФ, п. п. 1 и 2 ст. 1 ГК РФ), не соответствует двойственному характеру представительства единоличного исполнительного органа и не учитывает положения законодательства, предписывающие учитывать волю лица на принятие на себя соответствующего комплекса прав и обязанностей. Опровергаются доводы о том, что при фактическом допуске директора к осуществлению полномочий не происходит возникновение трудовых отношений, а также о том, что выстраивание отношений на безвозмездной основе свидетельствует об отсутствии договорных отношений. В связи с этим обосновывается, что в качестве момента заключения такого договора следует принимать либо момент его подписания как документа, либо момент фактического допуска к работе, в зависимости от того, какое из этих событий наступит раньше. При этом отмечается, что договорные отношения могут возникнуть, если со стороны юридического лица будет действовать уполномоченное лицо, в качестве которого ни в коем случае не может выступать сам единоличный исполнительный орган. Также обосновывается сущностное единство отношений с директором-физическим лицом и управляющей организацией-юридическим лицом, в силу чего к договору с последней могут быть применены все ранее сделанные выводы.

Относительно прекращения полномочий единоличного исполнительного органа отмечается, что это событие может произойти как по воле какой-либо из сторон, так и независимо от их желания в силу дисквалификации директора или лишения его права

заниматься определенной деятельностью в связи с признанием банкротом, а также в случае истечения срока полномочий, на который он был избран. Делается вывод, что текущее правовое регулирование последней ситуации не учитывает возможность возникновения между единоличным исполнительным органом и юридическим лицом отношений в случае фактического допуска к работе, в связи с чем аргументируется необходимость закрепить автоматическую пролонгацию (заключение на новый срок) договора с единоличным исполнительным органом, так как именно это решение в наибольшей степени будет соответствовать двойственному характеру его представительства.

Во втором параграфе «Подконтрольность последствий деятельности единоличного исполнительного органа вышестоящим органам юридического лица» проводится классификация совершаемых единоличным исполнительным органом действий (бездействий) в зависимости от юридической подвластности их последствий участникам, членам, учредителям юридического лица, в рамках которой выделяются три группы: полностью подконтрольные действия (издаваемые правовые акты и принимаемые решения, в случае нарушения ими требований закона (учредительного документа)), действия, подконтрольные при условии осведомленности другой стороны о нарушении (совершаемые сделки), и неподконтрольные действия (бездействие) (различные юридические поступки, как то деликты или собственно акты голосования).

По результатам исследования возможностей косвенного обжалования бездействий единоличного исполнительного органа выявлено, что применительно к решениям собраний такое обжалование в настоящее время возможно в случае их ничтожности (в том числе в ситуации, когда за принятие такого решения голосовал сам единоличный исполнительный орган), в результате чего в третий пункт предлагаемой классификации был введен уточняющий подпункт, касающийся косвенно подконтрольных (через обжалование последующих юридических фактов) действий (бездействий). В то же время критически осмыслены высказанные в судебной практике позиции о возможности признания актов голосования единоличного исполнительного органа недействительными посредством применения правил о решениях и сделках. Обосновано, что в связи с фактической неподконтрольностью результата таковых актов они должны быть отнесены к категории неподвластных юридических поступков.

Констатируется наличие пробела в действующем правовом регулировании относительно ситуации, когда единоличный исполнительный орган голосует в собрании

с нарушением наложенных на него внутренними правилами ограничений, о чем остальные участники собрания заведомо знают или должны заведомо знать. Аргументируется допустимость применения в таком случае по аналогии правил, закрепленных в ст. 174 ГК РФ.

В третьем параграфе «Последствия отсутствия единоличного исполнительного органа» рассматриваются малоизученные в отечественном праве неликвидационные механизмы преодоления возникшей невозможности принять необходимое для организации решение о назначении единоличного исполнительного органа. Выделяются следующие известные отечественному праву механизмы такого преодоления: допущение неединогласного голосования, урегулирование проблемы невозможности принятия решения в уставе или корпоративном договоре, исключение из состава участников. В то же время отмечается, что все перечисленные институты могут оказаться неэффективными, вследствие чего констатируется, что единственный эффективный механизм преодоления этой проблемы заключается в «ожидании решения».

В сравнительно-правовом аспекте изучается предложенный в зарубежных правовых порядках подход к разрешению данного вопроса посредством предоставления законом права обратиться к суду с требованием о назначении директора организации (германская модель) или посредством назначения директора в порядке обеспечительных мер (французская модель). Делается вывод о невозможности применения в отечественном праве ни одной из описанных моделей до внесения изменений в действующее законодательство. Аргументируется, что до проведения указанной реформы преодоление возникающей дисфункции возможно посредством обращения с требованием о временном приостановлении корпоративных прав лица, препятствующего принятию решения о назначении единоличного исполнительного органа, которое предлагается рассматривать как частную разновидность требования о пресечении действий, создающих угрозу нарушения субъективного права (абз. 3 ст. 12 ГК РФ).

Отдельно также рассматривается ситуация, когда в поведении участвующих в собрании лиц отсутствуют признаки недобросовестности, поскольку в таком случае предложенный ранее механизм оказывается неприменим. В качестве выхода из такой ситуации предлагается закрепить правило: если после трех собраний не достигнуто необходимое согласие, то утверждается либо единственная предложенная кандидатура,

либо, при наличии нескольких кандидатур, та, которая обладает наилучшей деловой репутацией. В отличие от возможной также к использованию в таком случае жеребьевки, предложенное решение позволит сохранить ответственность за сделанный выбор, а также будет стимулировать назначение на руководящие посты за объективные качества, а не благодаря случаю.

Третья глава «Ответственность единоличного исполнительного органа за неразумное и недобросовестное осуществление своих полномочий» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе «Имущественная ответственность единоличного исполнительного органа перед корпоративным юридическим лицом и третьими лицами» проводится анализ оснований ответственности единоличного исполнительного органа перед самим юридическим лицом и перед третьими лицами. Показывается, что если применительно к ответственности перед самим юридическим лицом дискуссионными остаются преимущественно частные вопросы ответственности, то применительно к ответственности перед третьими лицами до конца не определенным остается сам перечень оснований, по которым может наступить такая ответственность. Выдвинутый в свое время Президиумом Высшего Арбитражного Суда постулат о том, что «преступные действия работника по своей правовой сути не могут входить в круг его трудовых или служебных обязанностей и быть связаны с производственной необходимостью» опровергается как основанный на неверной логической предпосылке, как не соответствующий лежащему в основе всякого юридического лица принципу отделения, а равно и как не соответствующий самой сути складывающихся отношений, вследствие чего делается вывод о том, что деяния единоличного исполнительного органа, совершенные от имени юридического лица, считаются действиями (бездействием) самого юридического лица, независимо от их негативной правовой мотивации, в том числе тогда, когда его действия для целей уголовного права квалифицируются как преступные.

Во втором параграфе «Правовая природа ответственности единоличного исполнительного органа» исследуются существующие и возможные подходы к определению природы ответственности единоличного исполнительного органа как перед юридическим лицом, так и перед третьими лицами. Если применительно к ответственности перед самим юридическим лицом не существует каких-либо существенных проблем с отождествлением этой ответственности в качестве договорной,

то относительно ответственности перед контрагентами юридического лица вопрос не представляется столь однозначным. Путем анализа договорных, деликтных и *suì generis* теорий, устанавливаются два обстоятельства, препятствующие однозначному отождествлению этой ответственности с деликтной: 1) специальный характер этой ответственности и 2) отсутствие прямой причинно-следственной связи между действиями единоличного исполнительного органа и возникновением потерь у контрагентов юридического лица. Вместе с тем отмечается, что аналогичные замечания могут быть выдвинуты, в частности, к ответственности родителей несовершеннолетних детей в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет за причиненный их детьми вред, что не мешает отнесению последней ответственности также к деликтной, в силу чего аналогичным образом предлагается решить и вопрос об ответственности единоличного исполнительного органа.

Для анализа практической применимости сделанного вывода осуществлена его проверка на примерах возможности уменьшения ответственности единоличного исполнительного органа при неразумности его действий или наличия вины кредиторов в увеличении размера причиненного ему вреда, а также на примере вопроса о том, как надлежит распределять бремя доказывания наличия вины единоличного исполнительного органа в спорах о привлечении его к ответственности с кредиторами юридического лица.

III Заключение

В результате проведенного исследования поставленная цель по решению научной задачи по разработке и обоснованию теоретических положений, направленных на развитие представлений о единоличном исполнительном органе в корпоративном юридическом лице, и формулирование рекомендаций по совершенствованию правового регулирования и правоприменительной практики достигнута, поставленные задачи исследования решены.

Раскрыто действительное содержание понятия «единоличный исполнительный орган» через его двойственный статус: являясь частью юридического лица, он выступает в отношениях с третьими лицами функционально как представитель особого рода, занимающий промежуточное положение между законными и добровольными представителями. Это объясняет одновременно сохранение организационного единства

корпорации и возможность прямой ответственности руководителей перед третьими лицами, создавая основу для дальнейшего осмысления статуса руководителя.

Установлены критерии вменения действий юридическому лицу: размещенные в ЕГРЮЛ сведения о единоличном исполнительном органе обладают публичной достоверностью в силу чего отказ от них возможен только при выявленной недобросовестности контрагента или если полномочия явствуют из обстановки.

Доказано, что отношения между юридическим лицом и единоличным исполнительным органом возникают с момента заключения договора (включая фактический допуск к работе), а не после принятия решения об избрании или внесении сведений в ЕГРЮЛ. При этом предложен механизм автоматической пролонгации договора при истечении срока полномочий.

Разработана классификация действий (бездействия) единоличного исполнительного органа в зависимости от возможности влияния вышестоящих органов на возникновение последствий такой деятельности, которая включает три группы: полностью подконтрольные действия (издаваемые правовые акты и принимаемые решения), действия, подконтрольные при условии осведомленности другой стороны о нарушении (совершаемые сделки), и неподконтрольные действия (бездействие) (различные юридические поступки, как то деликты или собственно акты голосования). При этом в последней группе выделена особая подгруппа опосредованно подконтрольных актов, к которым отнесены результаты голосования гражданско-правовых собраний, в которых участвовал единоличный исполнительный орган.

Обосновано, что для сохранения управляемости корпорации при отсутствии сформированного единоличного исполнительного органа могут быть использованы механизмы временного приостановления корпоративных прав лица, препятствующего принятию решения об избрании и, при непреодолимой конкуренции кандидатов, судебного назначения лица с наилучшей деловой репутацией.

Доказано, что преступные действия директора при исполнении полномочий не выходят за границы его служебных обязанностей, а потому не являются основанием для его прямой имущественной ответственности перед контрагентами юридического лица. По своей правовой природе такая ответственность является деликтной, что позволяет применять к ней презумпцию вины и правила о грубой неосторожности потерпевшего.

С учетом сделанных в исследовании выводов, рассчитанных на правоотношения с участием единоличного исполнительного органа в корпоративных юридических лицах,

сформулированы конкретные предложения по внесению изменений в ст. ст. 51, 53, 53.1, 183, 181.4, 1068 ГК РФ.

IV Список работ, опубликованных по теме диссертации

*Публикации в рецензируемых научных изданиях,
определенных ВАК при Минобрнауки России:*

1. Левашов, В.К. Защита корпоративных прав от неразумных и недобросовестных действий исполнительных органов корпорации / В.К. Левашов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2024. – № 3. – С. 112-123. – ISSN 1993-1778.

2. Левашов, В.К. Защита корпоративных прав от действий мнимых органов / В.К. Левашов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2025. – № 1. – С. 96-106. – ISSN 1993-1778.

3. Левашов, В.К. К вопросу о назначении единоличного исполнительного органа в условиях корпоративного конфликта / В.К. Левашов // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2025. – № 1 (37). – С. 16-20. – ISSN 2500-2899.

4. Левашов, В.К. К вопросу о правовой природе органов юридического лица / В.К. Левашов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2025. – № 2 (70). – С. 254-259. – ISSN 2078-5356.

5. Левашов, В.К. К вопросу о значении государственной регистрации сведений о руководителе юридического лица для третьих лиц / В.К. Левашов // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2026. – № 1. Том 13. – С. 64-69. – ISSN 2313-6138.

Публикации в других научных изданиях:

6. Левашов, В.К. Правовое экспериментирование в области защиты корпоративных прав от действий мнимых органов / В.К. Левашов // Юридическая техника. – 2025. – № 19. – С. 759-762. – ISSN 2712-8520.

7. Левашов, В.К. Пределы ответственности юридического лица за действия его уставных представителей / В.К. Левашов // XVII итоговая студенческая научная

конференция : сборник статей конференции : в 4 томах. Том 2 ; под редакцией Д.В. Рыбина, Е.В. Трофимова [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2025. – С. 185-190. – 268 с. – ISBN 978-5-00220-333-8.

8. Левашов, В.К. К вопросу о моменте возникновения полномочий членов исполнительных органов юридического лица / В.К. Левашов // Законность и правопорядок. – 2025. – № 1 (45). – С. 35-38. – ISSN 2658-4271.

9. Левашов, В.К. Правовые рекомендации по преодолению дисфункциональности органов юридического лица: опыт Германии и перспективы его внедрения в России / В.К. Левашов // Юридическая орбита. – 2025. – № 5. – С. 210-212. – ISSN отсутствует.

10. Левашов, В.К. Распределение бремени доказывания в спорах о привлечении контролирующих лиц к внебанкротной субсидиарной ответственности / В.К. Левашов // Актуальные проблемы права : сборник научных трудов ; под редакцией А.В. Гарбара, И.М. Филяниной. – Хабаровск : Издательство ДВГУПС, 2025. – Выпуск 12. – С. 89-95. – 158 с. – ISSN 978-5-262-01019-6.

11. Левашов, В.К. Пределы контроля участников юридического лица за действиями его органов / В.К. Левашов // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях : сборник статей по результатам IV Международной научно-практической конференции : в двух томах. Том 1 ; под редакцией С.А. Трофимова, Т.Ю. Новиковой. – Симферополь : Издательство «Научный мир», 2025. – С. 841-846. – 1308 с. – ISBN 978-5-6042514-7-8. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82959935> (дата обращения: 17.07.2026).